

Человек, изображенный на этом фото, широко известен на огромных пространствах Африки — от южных границ Эфиопии до Трансвааля. Его зовут Шаабан Роберт.

Выдающийся деятель культуры народов, говорящих на языке суахили, крупнейший писатель Танганьики Шаабан Роберт родился в 1911 году в крупном портовом городе Танга, в семье служащего. Здесь он окончил миссионерскую школу и стал работать в таможне. Литературную известность начинающему писателю принес рассказ «Моя жизнь», получивший первую премию на конкурсе рассказов, который проводился в Восточной Африке в 1936 году. Этот рассказ был хронологически продолжен Шаабаном Робертом в автобиографическом романе «Моя жизнь», опубликованном в 1949 году.

Шаабан Роберт по праву считается лучшим современным поэтом суахили. В патристических стихах, написанных им в разные годы, воспеваются величие и богатство родного языка, с горечью говорится о том, что далеко не все дети Танганьики могут учиться, и в деревнях еще царят дикость и произвол.

Шаабан Роберт перевел на язык суахили рубаи великого персидского поэта Омара Хайяма. В помощь начинающим поэтам им написано «Объяснение, как писать стихи». Немало статей и очерков Шаабана Роберта рассказывают о проблемах развития культуры народов Восточной Африки.

Широкую известность получило стихотворение Шаабана Роберта «Независимость», посвященное ликвидации колониального режима в Танганьике. В нем поэт говорит:

Ничего нет позорней рабства,
даже если мягкие руки
над рабами заносят плеть.
Ничего нет позорней рабства,
даже если рабовладелец
обещает рай на земле.

20 июня 1962 года Шаабан Роберт умер. Премьер-министр Танганьики Юлиус Ньерере откликнулся на смерть поэта стихотворением «Плач о Шаабане», в котором он называет Ш. Роберта «народным певцом» и «отцом языка суахили».

Народы Восточной Африки, сбрасывающие колониальное иго, глубоко чтят память своего замечательного поэта.

Т. ГРИГОРЬЕВА

СКРИПКА ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

ШААБАН РОБЕРТ

СПОКОЙНО опершись на ручку кресла, сидит женщина. Темная кожа оттенена белым свободным платьем. В черных волосах сверкают язычки седины. Лицо дышит спокойной величавостью, уверенностью человека, прошедшего долгий жизненный путь, отнюдь не легкий путь, на котором пришлось встретиться и с крутыми горами и с глубокими пропастями. Благородная осанка внушает уважение и почтение... Эта женщина — прославленная занзибарская певица Сити бинти Саад, прекрасный голос которой звучал по всей Восточной Африке.

Сити бинти Саад родилась в 1880 году в маленькой деревушке Фумба на острове Занзибар. Отец ее был крестьянином, мать занималась гончарным ремеслом. Жила семья бедно. Жалкий клочок земли только-только спасал от голодной смерти. Родители Сити были неграмотными — не умели ни читать, ни писать. Ей выпала та же судьба: как и они, она не имела возможности учиться в школе. Книга оставалась для нее трудной загадкой даже много лет спустя, когда она была уже окружена славой.

Родители не могли и предположить, что их Сити станет известной певицей и принесет славу и известность этой далекой деревушке. Девочка росла и воспитывалась, как все деревенские дети. Может быть, только выделялась из среды своих сверстников тем, что была очень смешлива, любила острую шутку. Она рано начала помогать матери в их нехитром хозяйстве, вместе с ней месила глину и лепила горшки. В деревне не было покупателей, поэтому девочке-подростку приходилось носить товар в город.

...Раннее утро. Мать будит дочку: солнце уж поднялось, пора вставать, ведь до города четырнадцать

милль — путь не близкий. Сити набрасывает на себя голубое ситцевое платьице, ставит горшки на голову. Четырнадцать милль... Она идет босиком, она еще не знает, что такое обувь. Идти надо осторожно, внимательно глядя на дорогу. Ведь бывало так, что, споткнувшись босой ногой о камень, она роняла свою ношу, и все разбивалось вдребезги...

Вот так, босиком, в одном легком платьице, она меряет эту дорогу в любое время года — и в летний зной, и в сезон больших дождей, и в холодные ветреные дни. В городе она кружит по бесчисленным переулкам и улочкам, останавливается у каждой двери. И через каждый шаг громко зазывает покупателей: «Горшки, горшки! Красивые горшки! Купите! Очень дешевые горшки!» Пот струится ручейками по ее лицу, груз слишком тяжел для нее. Но и к концу дня он не становится намного легче. Прохожие с интересом разглядывают горшки — они сделаны искусно, они действительно красивы, но... покупателей немного.

Чем Сити могла помочь своим родителям, облегчить их жизнь?! Все богатство, что принесла она в убогую маленькую хижину, составило несколько десятков шиллингов. Это был выкуп, который заплатил за нее жених во время свадьбы. Замужество... Это единственное, что оставалось женщине в Восточной Африке. Тем более, если ты бедна. Что ты можешь изменить?! Родители стареют, они не в силах содержать взрослую дочь. Женщина вынуждена отдавать свою жизнь, душу, сердце в обмен на пищу и одежду. Какой неравный обмен! Вот если бы она могла жить самостоятельно, работать!..

«Если бы не твой голос, что бы ты ела?» — с нежной долей зависти говорили подруги Сити ей, женщине, сумевшей проложить свой путь в жизни. Но это случилось позднее. А пока Сити жила в своем селении. Родилась дочь. Теперь ей приходилось изыскивать новые способы, чтобы прокормить свою увеличившуюся семью. Она начала плести циновки. Но и это не внесло заметного облегчения в ее жизнь. Сити очень устала. Устала от такой жизни, от этих однообразных, каждодневных забот. Так хотелось вырваться из узкого круга тяжелых предрасудков и обычаев, угнетавших женщину, превращавших ее в рабочий скот. Ведь Сити была еще молода! День и ночь думала она о том, что же ей делать, и с болью в сердце решила перебраться в город. С болью в сердце, потому что она все-таки любила свою заброшенную деревушку, где прошло ее детство и юность.

Переезд в город принес новые надежды. Здесь она дышала другим воздухом, сердце наполнялось верой, что и ее звезда засияет наконец, выйдет из-за темных облаков ее трудной жизни. Но Сити не могла еще найти себя, она не знала, чем ей стоит заняться, чтобы изменить привычный ход своего существования. Встреча с Мухсином Али, своего музыкантом, игравшим на лютне, подсказала ей отчаяние, и она решила перебраться в город. Ветер известности не смог унести это воспоминание, не смог заставить ее забыть все трудности, с которыми она столкнулась на пути к славе. И завоевав любовь и уважение всей Восточной Африки, Сити всегда оставалась очень скромной, доброй и приветливой, как и много лет назад, когда она помогала матери готовить пищу, лепить горшки, мыть посуду и подметать хижину. Заносчивость была чужда ей — она не знала, что это такое. Порой Сити казалось, что она чудом перенесена в сказочную страну с молочными и медовыми реками. Но действительность напоминала о себе. Сити жила на земле тяжелых испытаний, страданий и слез. И слава не вскружила ей голову. Чтобы закрепить успех, надо много и напряженно работать, работать, не жалея себя.

ее песен было звеном цепочки, связывающей эти сердца, отдававшей их во власть певицы.

Сити стала петь в сопровождении маленького оркестра, состоявшего из пяти музыкантов — банджо, две лютни, гитара и бубен.

И вот первое выступление на большой, настоящей сцене. Сити очень волновалась, и... ее красивый голос исчез. Разбился, как зеркало, упавшее на пол... От волнения пересохло горло. Сити пыталась откашляться, еще и еще раз пыталась петь, но вместо песни — одно шипение. Со слезами убежала она за кулисы.

Провал огорчил, ошеломил ее: неужели ей придется отказаться от своей мечты? Неужели ей больше никогда не выйти на сцену? Нет! Сто раз и еще один раз — нет! Она должна петь. Она будет петь!

Поражение закалило волю певицы, разожгло огонь упорства и энергии, который не погас до конца ее дней. Смысл жизни — в борьбе. На пути встречается много преград, нельзя падать духом из-за того, что тебе не сразу удалось перешагнуть через одну из них. Без борьбы жизнь скучна и пресна. Сити была не из тех, кто не умеет бороться за свою мечту. Она продолжала много и упорно работать над постановкой своего голоса. И вот она снова на сцене. Изменилась манера исполнения, голос окреп. Те, кто видел ее в прошлый раз, не могли поверить, что это та же самая певица. Глубокий голос лился свободно, песнь достигла сердец слушателей, наполнила их радостью, взволновала. Теперь Сити могла дать им то, чего они ждали.

Перед ней открылись двери заслуженной славы. Имя ее было у всех на устах, слава ее ширилась и распространялась подобно огню, пожирающему сухую траву саванны. Женщины и мужчины в городах и селах, в бедных хижинах и богатых домах, во всех уголках Восточной Африки, от озер до гор, были охвачены желанием услышать ее песни.

Сити сама была поражена своим успехом. Она хорошо помнила неизбывную бедность своего детства. Ветер известности не смог унести это воспоминание, не смог заставить ее забыть все трудности, с которыми она столкнулась на пути к славе. И завоевав любовь и уважение всей Восточной Африки, Сити всегда оставалась очень скромной, доброй и приветливой, как и много лет назад, когда она помогала матери готовить пищу, лепить горшки, мыть посуду и подметать хижину. Заносчивость была чужда ей — она не знала, что это такое. Порой Сити казалось, что она чудом перенесена в сказочную страну с молочными и медовыми реками. Но действительность напоминала о себе. Сити жила на земле тяжелых испытаний, страданий и слез. И слава не вскружила ей голову. Чтобы закрепить успех, надо много и напряженно работать, работать, не жалея себя.

Сити много путешествует, получает приглашения из отдаленных уголков Занзибара и Пембы, Танганьики, Кении и Уганды. Письма и телеграммы сыплются на нее, как листья, опадающие осенью с деревьев. Чудесный голос Сити звучал и в больших городах и в маленьких деревушках — эта женщина не знала усталости. Вся Восточная Африка говорила о ней.

С этим не могли смириться ее завистники и враги. Ведь Сити была коренной африканкой — ее отец происходил из бантуского племени ньямвези, а мать — из племени зигуа. На Занзибаре, в арабском султанате, местные жители считаются низшей расой, зачастую до сих пор с ними обращаются как с рабами. Поэтому естественно, что Сити подвергалась всевозможным нападкам и гонениям. Во-первых, она была женщиной, а женщина по мусульманским обы-

чаям должна быть лишь слугой мужа, и, во-вторых, женщиной из низов. И она дерзнула заняться искусством пения! Сити не была заносчивой гордячкой, но она не была и чьей-либо рабыней. Она была свободна, сама строила свою судьбу.

Имя «Сити» в переводе значит «госпожа». И она стала царицей среди певцов Восточной Африки. Недоброжелатели ее не имели ни малейшего основания критиковать ее голос. Ведь он был безупречен, не стал слабее, не потерял своей прелести, даже когда Сити исполнилось 60 лет. Ей не было равных в искусстве пения. Поэтому враги могли лишь оскорблять ее намеками на ее низкое происхождение: «Сити бинти Саад, когда ты стала знатной? Ты пришла из деревни в одном лишь платье...» Они насмехались над каждой черточкой ее лица, старались поставить ей в упрек его заурядность. Это было обидно. Но Сити понимала: пусть нельзя изменить лицо по своему желанию, зато можно развивать и совершенствовать свой талант.

Она целиком посвятила себя музыке. Она пела ежедневно. Пела новые и новые песни — четыре тысячи за год. Это были песни самой разнообразной тематики, отражающие жизнь, быт и историю народов Восточной Африки. Она пела лирические и героические песни. Она и сама слагала их. В этом ее огромная заслуга. В то время песни на языке суахили были редким явлением на сценах городов. Но они должны были звучать, этого требовал народ. Чаения народа родили Сити, подняли ее на вершину славы.

Сити бинти Саад умерла в 1950 году. Но ее песни живут. Память о великой певице, которая была плоть от плоти, кровь от крови своего народа, бережно лелеют люди народа суахили. Она была скрипкой Восточной Африки. Ее голос продолжает звучать на ее родной земле.

Перевела с языка суахили
Н. СИДОРОВА

ЧИТАЯ ИКБАЛА...

К 25-летию со дня смерти

Н. ПРИГАРИНА

В АПРЕЛЕ этого года Икбалу было бы девяносто... Но он умер двадцать пять лет назад, оставив множество произведений почти во всех поэтических жанрах. Он писал философские, дидактические, лирические поэмы, стихи, четверостишия, сатиры, диалоги, псалмы. Его поэтическое наследие создано на двух языках: урду — его родном — и персидском.

Творчество его многогранно и противоречиво. Его философия совершенного человека, безграничного развития творческих возможностей человеческой личности пронизана гуманизмом, плодотворна. Приноровленная к конкретным условиям Индостана первой половины XX века, она будила умы от длительной спячки.

Он был религиозным человеком, его стихи полны обращениями к богу. Но сердце и разум его принадлежали земным делам, и, обращаясь к божеству, он требовал у него ответов на самые волнующие вопросы бытия.

Икбал — философ и общественный деятель, его жизнь неотделима от жизни народов Индии и Пакистана, от их борьбы за независимость, и вместе с тем Икбал — великий поэт Востока, гуманист и правдолюбец, провоз-

вестник светлого будущего азиатских народов.

Он жизнелюбив и светел духом, этот поэт, смело, как равный, беседующий с богом о мире и человеке, и взор его, радуясь, останавливается на каждом проявлении жизни.

Его поэзия проникнута возвышенным чувством любви, которая включает в себя творческую созидательную деятельность, стремление к совершенствованию, горячую заинтересованность в жизни своего общества. Произведения Икбала пронизывает мысль о самом высшем проявлении жизни — о человеке. Да, человек — традиционная горсть праха, комок глины, форма, заготовка. И бьется мысль над вечным вопросом: как совместить бренность этой оболочки и парение духа, как согласиться с этим противоречием? В упорном противопоставлении духа и тела и вместе с тем в понимании их единства Икбал поистине драматичен. И он не хочет объяснять достижения человека помощью и воздействием потусторонних сил. Пусть по сравнению с вечностью и богами человек — всего-навсего атом, но взгляните, как из ничтожных атомов складываются миры.

*Пустилась любовь в поиски,
встретился человек,
Он светится изнутри своей
бренной оболочки,
И солнце, и месяц,
и звезды можно отдать
За эту горсть праха,
наделенную сердцем.*

Но получает ли человек достойное воздаяние? Счастлив ли человек на земле?

*Сердце мира! Я отравлен,
я отравлен — крик его.
Разум плачет. Нельзя забыть-
ся: нет ни вина, ни опия.
И мулла, и дервиш, и султай —
и придворный —
Все хотят поправить дела
лицемерием и ханжеством.
На базаре глаз менялы
подлеповат и недобр.
И чем ярче блестит
мой бриллиант.
тем дешевле его оценят.*

Однако подобными строками еще далеко не исчерпываются бунтарские настроения поэта. Среди радостных и печальных произведений неожиданным громом среди ясного неба звучит стихотворение «Революция» — о притеснениях, которые испытывают все классы трудящихся, с полным черным списком тех, кто притесняет, — стихотворение плакатное, звонкое, с рефреном-криком: «Революция, революция! О революция!»

И настолько этот пламенный призыв подчеркнут приглушенным тоном окружающих стихов, что пройти мимо стихотворения «Революция» нельзя.

В этой благородной встышке, в этом вызове раскрывается еще одна черта поэта — его понимание своей роли «колокола на башне вечевой».

Нельзя читать Икбала, не подчиняясь волшебству и гармонии его строк. И трудно забыть его слова о самом себе, как о легко воспламеняемом тростнике, на который упала искра, а утренний ветер свеж и раздувает ее, и сухой тростник на ветру горит, как порох, и зажигает своим пламенем сердца других.